

мир вчера, сегодня, завтра

Сов. Россия, 1987, 13 янв.

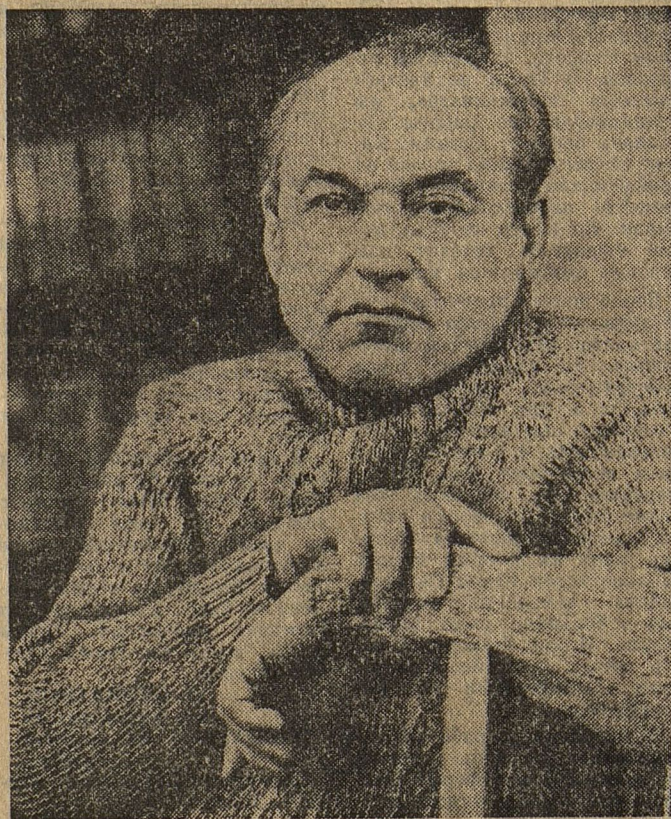
Петр Проскурин:

«Мы верим в человеческий разум, в волю народов к миру...»

Тема войны и мира — можно сказать, классическая для русской литературы. Она волнует и наших современников, писателей старшего и среднего поколений, тех, кто прошел войну или кого опалила она в детстве, в ранней юности... С этого и начался наш разговор с Петром Проскуриным, чьи книги «Горькие травы», «Исход», «Судьба», «Имя твоё» хотя и давно увидели свет, однако и по сей день читаемы миллионами советских людей, вошли почти в каждую семью.

В ходе беседы мы, естественно, касались актуальных вопросов нашей жизни, ее международных аспектов. Ведь в эти дни весь мир отмечает годовщину Заявления Михаила Сергеевича Горбачева от 15 января, Заявления, с которым мы связываем утверждение нового мышления в политике.

Истинный писатель всегда находится на острие самых актуальных проблем времени. Так родился этот необычный монолог. И начался он — с воспоминания о детстве...

По-настоящему задумался я о том, что такое война и что такое мир, как и слова — «смерть» и «жизнь», в предпоследнее июньское воскресенье 1941 года. В тот день к нам приехали в гости родственники из деревни и взяли меня, тринадцатилетнего мальчишку, на городской базар в Севск, что на Брянщине. В ту пору севские базары складывались еще прямо-таки по Гоголю: хрюкали свиньи, гоготали гуси, кудахтали куры, возвышались горы всякой всячины... И вдруг, как взрыв, над большой базарной площадью пронеслось слово: «война». Площадь вмиг онемела, бабы тихо заплакали, побледневшие мужики быстро-быстро стали запрягать лошадей. В считанные минуты базар опустел, как будто на нем никого и не было. Но оцепенение, охватившее меня в первую секунду, не проходило. Перед глазами стояли искаженные страшной вестью лица, и мне не верилось, что я еще полчаса назад был на сто процентов уверен в истинности своих романтических представлений. И куда только девалось мое циничное воображение — будто на тачанке, как Чапаев, один побеждаю всех врагов?

Я хочу, всей душой русского человека желаю, чтобы сегодняшние мальчишки на всей Земле усвоили тот страшный урок. Если бы они видели, как мы ждали отцов, как мы ждали Победы...

Но война еще долго преследовала нас. Война — после войны. Брянская область была напичкана минами — это были следы передовой, проходившей и через наши севские поля. Помню, как на моих глазах погибли шесть моих товарищей — шесть подрастающих мужичков, иссеченных осколками противотанковой мины.

Я думаю, что, не увидев этого страшного натурализма, я бы не смог правдиво писать о войне, ибо писатель, не ощутивший наяву трагедию насильственной смерти, в конце концов сфальшивит перед читателем. Обманет его и, говоря о войне, заведет не туда.

Да, еще долго не кончалась война после войны, подрывались люди и животные, и это непрерывно заставляло нас осознавать истинную цену мира. Однако я часто думаю: «Неужели американцам мало прошлых страданий, раз они допускают возможность новых?» И когда я так думаю, все чаще и основательнее прихожу к одной и той же мысли...

Недавно мне довелось проехать по США, побывать в Чикаго, Сан-Франциско, Нью-Йорке. Мое внимание прежде всего невольно привлекла направленная антисоветская и даже антирусская, я бы сказал, русофобная, обработка общественного мнения. Десятки телевизионных каналов, радио, сотни газет пичкают американский народ самыми нелепыми небывальщинами о Советском Союзе, о русском народе, о его якобы природной агрессивности и даже кровожадности (да, именно так американский народ целенаправленно готовит к войне с Советским Союзом). И это наряду с массовой подменой подлинных культурных и духовных ценностей суррогатом культуры в американском стиле вызывает отвратительные ощущения. Невольно думаешь, что пропаганда войны в этой кипящей своим богатством и товарным изобилием стране стала основной стратегической осью, на которой держится само благополучие строя, что это и есть самый мощный рычаг в безрассудном движении, по сути дела, в «никкуда»... Толстосумам, мировым воротилам необходим геостратегический противник, они без него не могут жить, они просто обязаны были изобрести его, и они его изобрели и сконструировали. Равновесие стараются, правда, поддерживать еще и религией, но движение без выгоды и гуманной цели, без идеалов и смысла уже проступает и на теле народа явными признаками духовной гангрены и вырождения — гангстеризм, повальная наркомания, порнография, даже детская проституция, расовая разобщенность, прочие античелове-

ческие мерзости... Но, конечно же, страшнее всего — это умело насаждаемая зоологическая разобщенность людей, стремление восстановить всех против всех — слепая погоня за долларом, культ доллара и в этом играет главенствующую роль.

Уже долгие-долгие годы все средства массовой информации большую часть своей работы посвящают теме возможности будущей войны и попыткам противостоять этому роковому часу. Все это правильно. Но вот о чем думаю: не наблюдаем ли мы на деле некий обратный эффект — не начинает ли человек привыкать к этой теме? К войне и смерти как к рядовым явлениям. Безлико пропагандировать антивоенные взгляды нельзя. Убежден, что нужно дело вести так, чтобы вызывать в душе человека и сопереживание тому, что он видит на большом и малом экране, и сочувствие, сострадание. Разве это не кощунственно, если человек смотрит на телеэкране о событиях в Ливане и Никарагуа и при этом попивает кофе?.. Пропаганда наша должна жечь каждое сердце своим глаголом о войне и мире... Тема войны не терпит «дежурных», «обезличивающих» рассуждений. Иначе происходит ее девальвация. И это не может не отразиться на конкретной человеческой личности. У слушающих, читающих и смотрящих поневоле начинает возникать поверхностное (часто из любопытства) отношение к смерти и зарождается, я бы сказал, нездоровый интерес ко всякого рода человеческим трагедиям... Откуда это?

Это не от русской литературы, которую изначально беспокоила, как очень точно подметил Достоевский, даже слеза ребенка... Русская литература всегда выступала не вообще за личность, а за конкретное живое лицо и против обезлички. Так откуда же подобная обезличка появляется и у нас — особенно в искусстве? Не калька ли это с западной, а точнее, с американской модели, приучающей к якобы неизбежной гибели масс?

Ни в Англии, ни во Франции, ни в Испании, королю говоря — нигде и никто из здравомыслящих писателей не выступает за войну. Все сейчас утверждают, что они за мир. Жаль, что эта их активность ограничивается порой лишь словами, а до действий дело редко доходит. На деле многие из них сами становятся первыми поставщиками масскультуры, нередко высокооплачиваемой на Западе как социальный заказ. Буржуазная «массовая культура» стала своего рода литературным наркотиком и позволяет им хорошо зарабатывать. С другой стороны, одурманенные такой «литературой» люди часто не готовы к восприятию действительно художественных антивоенных книг, которые тоже есть. Но, к сожалению, не им дается реклама, и покупают чаще всего не их. А жить-то надо...

Вот и приходится порою даже известным писателям идти на службу к обезличивающей «массовой культуре». Что-то неписательское есть в подобной службе. Гибнет культура. А ведь главное, что создало человечество, — это культура. Случись война — ее не станет совсем. Да и вообще — жизни на Земле...

И чтобы этого никогда не случилось, надо помнить, что именно культурой, именно духовными богатствами живо человеческое в человеке. Поэтому, если не станет культуры, жизнь человеческая потеряет смысл.

Наблюдая эти жесткие повороты милитаристской дипломатии в другом полушарии Земли и задаваясь мучительным вопросом: куда в своем развитии идут люди? Куда идет человечество и где оно может остановиться? Это да-

леко не праздный вопрос, вопрос не из любопытства. Импералистический военно-промышленный комплекс в погоне за миллиардами делает ставку на низменные чувства человека. И потому надо активнее бороться с бездуховностью, с убожеством «массовой культуры», унижающей человека в человеке. Нужны мужество и наша общая ответственность за судьбу мира, за судьбу подлинной культуры человечества. Нужно обновленное мышление. Хотя и нависла угроза последней войны, нельзя жить так, будто завтра конец света. Подобное отношение только способствует его приходу...

Некоторые умы на Западе пессимистически предполагают, что сегодня человечество уже вступило в пору своего самоуничтожения и вся его оставшаяся жизнь — только подготовка к последнему роковому маскараду. Такие идеи разрушают душу человека, играя на руку милитаристской западной пропаганде, превращая личность в мусор.

А задача литературы — не разрушать, а созидать человека, его душу, его главную ценность. Научить человека уважать и себя, и соседа. Я взвешиваю все «за» и «против», и мне неудержимо хочется верить, что у лучшей части человечества найдутся силы вовремя остановиться. Что даже в минуты отчаяния не смогут взять верх мысли, будто человек дошел в своем развитии до предела. Эти мысли противны разуму...

Недавно, встречаясь с известными французскими писателями — представителями академии Гонкура, я услышал от них много хороших слов о мире и вот что подумал: много, даже крайне много речей на Западе, но почему же они не порождают дела? Скажем, не побуждают западные правительства к ответному мораторию о прекращении ядерных испытаний? Говорят, советский мораторий — пропаганда. Вот было бы хорошо — кстати, не только нам, но и всему миру, — если бы Соединенные Штаты Америки ответили такой же пропагандой. Для этого еще есть время.

Что бы я сказал, если бы получил возможность обратиться к членам американского конгресса? Сказал бы так: «Господа! Вы же отличаетесь, можете быть, самым практичным в мире подходом. Вы накопили горы долларов и золота. Но ради чего? Ради того, чтобы вас вмиг не стало? Представьте, как ваша плоть и ваша «бессмертная» христианская душа, которую вы так любите, исчезнет, ибо ей нечего будет делать над разлетающимся пеплом, в который последняя война превратит Землю. Неужели вам всем надоело жить? Разве Америка превратилась в страну самоубийц? Неужели вы еще сомневаетесь, что война перестала быть средством для разрешения международных и особенно глобальных конфликтов? Неужели вы действительно считаете призыв к новому мышлению в мировой политике пропагандистским движением коммунистов? Неужели вы действительно не понимаете, что новое мышление — не плод фантазии, а открытая передовыми умами объективная необходимость для дальнейшего существования человечества? Так не пора ли вам остановиться?..»

Верю: в конце концов и у американского народа все-таки должен сработать инстинкт самосохранения. Он ведь не самоубийца! Только бы не произошла роковая случайность, вероятность которой неконтролируемо растет прямо на глазах. Мы верим в человеческий разум, в его окончательное торжество. И потому ждем от слова — Дела! С этой надеждой мы и вступили в новый, 1987 год!..

Беседу вел
Николай ДОБРЮХА.
Фото С. Кузнецова.